

Заглавие документа	Теория номинации: история и современность // Sociokultúrna realita a príroda: Zborník recenzovaných vedeckých prác s medzinárodnou účasťou / Editor: O. Glosíková. – Prešov: Technická univerzita v Košiciach, Fakulta výrobných technológií so sídlom v Prešove. – S. 313–320.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2007
Аннотация	В статье рассматривается эволюция ономаσιологических исследований – от этнографо-лингвистических опытов представителей направления «слова и вещи» до современных концептуально-когнитивных исследований лексикона. Особое внимание при этом уделяется двум направлениям изучения номинации – статическому и динамическому, разработанным в СССР и не вполне знакомым западному научному миру.

Ономаσιология, или теория номинации, в последнее время используется при исследовании семантики все чаще. Включавшаяся поначалу в состав семасиологии [1, с. 288] или лексикологии [3, с. 84], она, как отмечает Ю.С.Степанов, «постепенно стала ядром семантики» [9, с. 353]. Пройдя путь от догадок о существовании системности в лексике до признания когнитивной обоснованности своих категорий, в XXI веке теория номинации занимает важное место в лингвистических исследованиях, а слово *ономаσιология* никого не смущает. Если «классическая» ономаσιология развивалась в противостоянии с семасиологией, стремясь доказать обоснованность своего выделения в особое направление, то современная теория номинации, признанная всеми, пытается подключиться к более широким областям исследований – таким как прагматика и когнитивистика.

Ономаσιологические исследования отвечают на вопрос, каким образом в языке происходит обозначение вещей и явлений мира. Их предмет – выражение идеи, принципы и закономерности номинации предметов и выражения понятий [1, с. 288]. Традиция научного изучения слов как средств языкового обозначения вещей, явлений и т.д. прошла, по меньшей мере, три этапа:

1) дофункциональный (начало–первая четверть XX века), представленный именами ученых направления «слова и вещи» (Wörter und Sachen) Р.Мерингером, Г.Шухардтом, В.Мейером-Любке; ономаσιологические идеи высказывались О.Есперсеном, Ш.Балли, Ф.Брюно, Л.В.Щербой;

2) функциональный (1930-е–1980-е), когда происходит становление и развитие идей функционализма в исследованиях лингвистов (В.Матезиус, М.Докулил и др.), в т.ч. со-

ветских (Е.С.Кубрякова, А.А.Уфимцева, Н.Д.Голев, В.Н.Телия, И.С.Торопцев, А.Ф.Журавлев и др.);

3) концептуально-когнитивный (с 1990-х), где ономаσιологический уровень признается логико-лингвистическим, а дело формирования образа воспринимаемой человеком реальности переносится на уровень концепта, – И.Гржега, П.Штекауэр, Д.Хэйраартс, О.В.Раевская и др.

Ономаσιологическая лексикология восходит к началу XX века – к движению «слова и вещи», которое изучало различные выражения, существовавшие в одном и более языках для данного понятия, и объясняло их этимологию и мотивацию. Оно также служило методологической основой более широкой задачи – обслуживания диалектологии, каталогизировавшей возможные ресурсы, имеющиеся в языке. Работа лингвистов этого направления на тот момент оказалась на заднем плане, т.к. появилась в период господства структурализма. По словам А.Бланка, «плодотворная линия изучения утратила свою значимость под влиянием современной (структуралистской) семантики, точка зрения которой была явно семасиологической» [14, с. 6–7].

Структурализм не погасил, тем не менее, стремления рассматривать язык от содержания к форме. Идея распределения слов по классам в зависимости от их значения или функции воплотилась в полевом подходе и привела к компонентному анализу слов, признанию ядерно-периферийных отношений в лексике и грамматике (в семасиологии), становлению теории прототипов (в когнитивистике). Но полевой подход, в конечном счете, исходит из формы и не может считаться ономаσιологическим направлением.

Первый шаг по направлению к полноценной содержательной версии языка был сделан в 1930–1940-е годы представителями Пражской школы структурализма, прежде всего В.Матезиусом. Его теория актуального членения предложения стала исключительно продуктивной: не только при создании предложений, но и при производстве слов мы имеем дело с двухчастной структурой «старое – новое», «тема – рема» или, как это называют в когнитивистике, «топик – коммент». Фактическое разделение информации, выраженной в языковых единицах, на исходную точку высказывания (**известное / фон**) и ядро высказывания (то, что говорящий сообщает об уже известном / **фигуры**) закономерно привело лингвистику к выходу за рамки языковой системы. Неслучайно К.Харрис определяет одним из источников когнитивной лингвистики функциональное направление языковых исследований [16, с. 3], первым проявлением которого был чешский структу-

рализм. Новизну своего направления «чехи» видели в том, что «функциональная концепция позволяет связать разрозненные явления, установить систему данного языка и дать объяснение тому, что прежний метод мог только констатировать» [10, с. 22]. Чешские лингвисты были первыми из тех, кто создал «структурализм с человеческим лицом». У человеческой деятельности есть цели, а у слов как одного из продуктов этой деятельности есть функции – вот суть тезисов Пражского лингвистического кружка. Правда, исследования 1930–1950-х ограничились языковой техникой (ономатологией), т.е. констатацией средств и способов номинации, представленных в языке. Для них главное состоит в том, что язык является «системой средств выражения, служащих какой-то определенной цели» [10, с. 17].

По признанию Е.С.Кубряковой, «чешские лингвисты были первыми учеными, обратившими внимание на сложный характер производного слова и его обязательную дву-членность: ономасиологический базис и ономасиологический признак» [6, с. 266]. В работах М.Докулила анализ средств и способов создания новых слов дополняется выявлением ономасиологических (содержательных) категорий – мутации, модификации, транспозиции, которые лежат в основе новой лексической единицы и определяются на основе взаимодействия категорий, представленных производящей основой и словообразовательным формантом. Именно содержательный аспект такого взаимодействия составляет в чешской традиции предмет ономасиологии (в отличие от ономатологии). Подчеркнем, что лексико-семантический способ словообразования не относится представителями Пражской и Брненской лингвистических школ к деривации (а потому и к рассмотрению ономасиологией), т.к., «таким образом увеличивается только количество значений имени, а не количество собственно наименований» [15, с. 20].

Направление исследования языка, оформившееся под названием *ономасиология* во 2-й половине XX века, позволило советским лингвистам, с одной стороны, рассмотреть возможные трансформации смысла внутри языковой единицы при появлении в ней новых категориальных сем, а с другой – определить мотивы изменившейся предметной отнесенности слова, взглянуть на динамику его создания. Результатом деятельности ономасиологов СССР стала разработка двух направлений – номинации-выбора и номинации-имятворчества. Первое впоследствии оказалось ранней версией когнитивизма [7, с. 10], второе – процессуальной ономасиологией.

Московские ономазиологи (Е.С.Кубрякова, А.А.Уфимцева, В.Н.Телия, Н.Д.Арутюнова и др.) проявляли интерес к номинации как конкретному соотносению с данным референтом, а орловские ономазиологи во главе с И.С.Торопцевым, а также А.Ф.Журавлев рассматривали ее как процесс создания новых наименований. В этом противостоянии обозначились два аспекта анализа языковых единиц в ономазиологии – статический и динамический [5, с. 11; 12, с. 11], т.е. различие результата процесса и самого процесса номинации. Общая направленность «москвичей» – исследование «статики» называния, изучение соотношения исходного и результативного классов; динамический аспект номинации направлен на изучение связи знака с экстралингвистической реальностью в каждом акте номинации и проводится в работах орловских ученых. Основные особенности направлений:

а) **динамический подход / номинация-имятворчество** – языковой процесс, обращенный непосредственно к действительности; имя – идентификатор, языковой субститут вновь выделенного объекта действительности; при номинации происходит формирование сигнификата новой номинативной единицы; это акт языка; новая номинативная единица в момент возникновения внесистемна по отношению к языку, она входит в него не с целью занять место в системе, а с целью обозначить явление внеязыковой действительности;

б) **статический подход / номинация-выбор** языковых единиц – освоение действительности в рамках существующего языкового опыта, квалификация вновь встреченного как уже известного; наполнение готовой номинативной единицы конкретным денотативным содержанием; факт речи; традиционная номинативная единица употребляется и как лексический элемент системы, а изменение сигнификата означает появление новой номинативной единицы [8, с. 13].

Отличие двух подходов ярко проступает в рассмотрении ими понятий *первичная* и *вторичная номинация* и процессов деривации. «Москвичи» опираются на тезис о том, что «в содержании значения нет ничего, что указывало бы на его первичный и вторичный характер» [7, с. 63], поэтому рассматривают исходный и результативный классы слов на предмет их основных категориальных признаков и при наличии отношений словообразовательной производности между ними сразу отправляют производное слово во вторичные, попутно отмечая то, какие переходы фиксируются между базой и результатом номинации. Обращение к реальности у московских ономазиологов ограниченное:

они вычлениают общие категории, лежащие в основе классов слов, а основное их внимание приковано к языковой сфере. Как заметила М.Э.Рут, «понимание возникновения новой номинативной единицы как лишь “постепенного вытеснения” монопризнакового значения имени идентифицирующим полипризнаковым не учитывает качественного своеобразия нового имени как выразителя нового классифицирующего знания о мире и сводит номинативный процесс к его одностороннему, чисто языковому проявлению» [8, с. 14].

Отсюда – появление другой идеи (И.С.Торопцев и др.), которая в большей мере отдаст дань внеязыковой действительности и описывает номинацию не как конечный результат, а как процесс. А.Ф.Журавлев, характеризуя предыдущую трактовку первичной и вторичной номинации как семасиологическую, предлагает такую ономасиологическую интерпретацию этих понятий. Номинация квалифицируется им как вторичная лишь в тех случаях, когда она а) производна от первичной (*неотложка*, *вуз*), б) носит ярко выраженный оценочный / экспрессивный характер (*болтальник*) [2, с. 50].

Представители номинации-имятворчества не согласны и с тем, что, по мнению многих лингвистов, «потребность в новых наименованиях реализуется ..., как и потребность в новых высказываниях, комбинаторикой существующих знаков» [7, с. 54]. В противовес этому И.С.Торопцев подчеркивает, что «получить новое знание в ходе комбинирования морфем нельзя. Признать точку зрения критикуемого здесь направления – значит, признать, что новое знание ограничено, предопределено такой комбинаторикой. Роль действительного познания при этом была бы сведена к стимуляции лексической объективации» [11, с. 6]. В рамках номинации-имятворчества поставлен вопрос о включении представления в содержание слова [4, с. 103]. Таким образом, именно орловские лингвисты ближе подошли к денотату, но они не обратились к данным других наук, пытаясь доказать появление в языке новой единицы не вследствие переноса материальной оболочки, а через создание нового сигнификата.

Путь примирения аспектов синхронного ономасиологического исследования дал И.С.Улуханов, разделив предмет теории номинации на «изучение смысловой структуры готовых наименований, имеющих в ... языке, и процессы номинации, свойственные современному языку» [12, с. 11].

На третьем этапе изучения языковых единиц с точки зрения осуществления ими номинативной функции ономасиологическая идея получила «второе дыхание» на базе кон-

цептуальных и когнитивных исследований. Впрочем, больше внимания уделяется не собственно ономасиологической проблематике, а построению концептов предмета, признака, действия и т.д. Принципиально нового в связи с «поворотом к человеку» в ономасиологии не произошло. Лишь некоторые функции ономасиологии взяли на себя когнитивные исследования, были определены их «демаркационные линии» [17, с. 2–4], а прагматика стала чаще подключаться к ономасиологии [13, с. 130].

Интересно сравнить особенности ономасиологической теории и когнитивной грамматики, их сходств и различий. Когнитивная лингвистика, как и ономасиология, исходит из того, что ограничения, налагаемые на форму, вытекают из функции языка. Сходство состоит и в акценте на семантическую составляющую как необходимую сторону любого уровня выше фонологического [17, с. 2].

Границы когнитивной грамматики и ономасиологии и цели, которые преследуют эти две дисциплины, не совпадают. Когнитивная лингвистика раскрывает грамматику как целое, а ономасиологическая теория фокусирует свое внимание на одной ее части – на словообразовательном акте. Первая обеспечивает описание грамматической системы, как она есть и как функционирует в речи (*parole*), т.е. описывает то, как символические единицы начинают означать то, что они означают (систему символических единиц, используемых для целей коммуникации). Ономасиология дает динамический отчет о том, как производное слово создается. Когнитивистика не отделяет семантику от прагматики – ономасиология, наоборот, полагает, что подлинное значение слова контекстуально независимо и полностью определяется в пределах словообразовательного компонента, на системном уровне языка (*langue*); она не связана с прагматическими факторами. В отличие от когнитивной грамматики, где категории «вещь», «действие» являются схемами для соответствующих классов слов – существительных и глаголов, в ономасиологии параллельные понятия «субстанция», «действие» представляют собой самые общие категории, которые не ограничиваются примерами существительных, глаголов, а скорее «наложены поверх» классов слов. Эти понятийные категории работают в связи с логико-семантическими категориями. Их отношение к классам слов не прямое, опосредованное, зависимое от особой ономасиологической структуры, от того, какие морфемы выбираются для того, чтобы им соответствовали компоненты ономасиологической структуры. В ономасиологической теории суффиксы находятся на одном уровне с корневыми морфе-

мами и могут представлять соответствующие понятийные категории, а в когнитивистике суффиксы не подпадают под действие схем – таких как «вещь» или «действие».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
2. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в русском языке. – М., 1982. – С. 45–109.
3. Заонегин Е.В. Некоторые общие вопросы ономазиологии (на материале романских языков) // Филологические науки. – 1969. – № 6. – С. 84–93.
4. Илларионов С.Ф. Об образном компоненте в семантике слова и о его роли в выборе производящего // Проблемы ономазиологии. – Курск, 1976. – Т. 62 (155), вып. 3. – С. 103–109.
5. Кривченко Е.Л. Очерки по ономазиологии. – Саратов, 1989.
6. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. – М., 1977. – С. 222–303.
7. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1978.
8. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1992.
9. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 294–358.
10. Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.
11. Торопцев И.С. О направлениях в изучении словопроизводственного процесса // Проблемы ономазиологии. – Курск, 1977. – Т. 175. – С. 5–9.
12. Улуханов И.С. О некоторых проблемах ономазиологии и словообразования // Проблемы ономазиологии. – Курск, 1977. – Т. 175. – С. 10–12.
13. Хэйраартс Д. Принципы прагматической ономазиологии // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 127–135.
14. Blank A. Words and Concepts in Time: towards Diachronic Cognitive Onomasiology // Das Online-Journal zu Metapher und Metonymie. – 2001. – № 1. – P. 6–25
(www.metaphoric.de/01/blank.htm)
15. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. Dil 1. Teorie odvozovani slov. – Praha, 1962.
16. Harris C.L. Language and Cognition // Encyclopedia of Cognitive Science. London: MacMillan. 2003 (<http://www.bu.edu/psych/faculty/charris/papers/Encyclopedia.pdf>).

17.Štekauer P. Fundamental Principles of an Onomasiological Theory of English Word-Formation // Onomasiology Online. – 2001. – № 2. – P. 1–42 ([http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/ EngluVglSW/stekauer1011.pdf](http://www1.ku-eichstaett.de/SLF/EngluVglSW/stekauer1011.pdf)).